

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ТЕЛЕФОННОМ ДИАЛОГЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ *А*, *АГА* И *ГМ*)¹

Герасименко О. А. (olga.gerassimenko@gmail.com)

Тартуский университет, Тарту, Эстония

Работа описывает функции трех частиц обратной связи на основе предшествующего и последующего диалогического контекста. Анализ 45-минутного корпуса регистратурных звонков показывает, что говорящие используют *гм* для указания на контекстуальную неадекватность предыдущей реплики, *а* для указания на необходимость прояснения и *ага* для указания на достаточность предыдущей реплики и завершенность секвенции.

Ключевые слова: обратная связь, реактивные реплики, спонтанный диалог, разговорный анализ

FUNCTIONS OF FEEDBACK ITEMS *A*, *AGA* AND *GM* IN RUSSIAN PHONE CONVERSATION

Gerassimenko O. A. (olga.gerassimenko@gmail.com)

University of Tartu, Tartu, Estonia

Functions of three feedback items in spontaneous speech are discussed on the basis of the preceding and following dialogical context. The analysis of 45-minute corpus of outpatients department phone calls shows that speakers use *gm* to signal the inappropriateness of the previous turn, *a* to signal the need for clarification and *ara* to signal the completeness and sufficiency of the previous turn.

Key words: feedback, response reactions, spontaneous dialogue, conversation analysis

¹ Исследование проведено при поддержке грантов ETF8558, ETF9124 и программы ЕКТ8 «Эстонская языковая технология 2011».

Введение

В диалогической речи важное место занимают реплики обратной связи (тж. *реактивные реплики, реплики-реакции*) — конвенциональные реакции на завершённую или продолжающуюся реплику собеседника, которые сигнализируют, что сообщение принято (полностью или частично) и понято определённым образом (Allwood et al. 1993, Yngve 1970, Gardner 2001, Sorjonen 2001). Средства обратной связи могут включать лексические повторы, смех или завершения реплики за собеседника (Stubbe 1998), однако чаще всего обратная связь реализуется в виде минимальных реакций: одно- или двусложных лексем, которые традиционная грамматика (напр., РГ 1980 I: § 1689–1690) относит к классу междометий или частиц². Значение этих лексем описывается в словарях при помощи перечисления эмоций, которые они могут выражать в зависимости от ситуативного контекста. Так, диапазон эмоций, выражаемых междометием *a*, по данным «Большого толкового словаря» (2006) включает припоминание, догадку, узнавание при встрече, удовольствие, радость, удивление, досаду, негодование, решимость с оттенком досады, отчаяние. Некоторые из перечисленных эмоций совпадают с описанием в этом же словаре лексемы *aga*, в междометном значении выражающем «злорадство, торжество, замешательство и т. п.»; *a* замешательство как возможный компонент значения *aga* оказывается присущим и междометию *gm*, выражающему «сомнение, недоверие, иронию» и употребляющемуся «при затруднении или нерешимости сказать или сделать что-либо». В разных словарях набор эмоций, описывающих значение той или иной лексемы, может варьировать: например, в «Словаре русского языка» (1999) междометие *aga* выражает «догадку, радостное удивление», а междометие *a* в числе прочего «угрозу, злорадство» (ср. с толкованиями БТС). Большинству толковых словарей свойственны незавершённость списка перечисляемых эмоций и повторение одних и тех же эмоций при описании разных лексем. И. А. Шаронов, автор современного масштабного очерка о русских междометиях, отмечает, что это в общем характерно для словарного описания эмоциональных и когнитивных междометий (Шаронов 2008: 125), и указывает на нечёткость эмоциональных номинаций и неоперациональность толкований, построенных на их перечислении (2008: 203). Шаронов предлагает использовать для истолкования не только наименование эмоции, но и тип стимула, на который она реагирует, отмечая особый характер акта понимания/осознания в качестве стимула когнитивных междометий (2008: 272); кроме того, отдельно указывает на функцию обратной связи в диалоге (2008: 250), что даёт возможность описывать значение и функционирование лексем значительно более насыщенно.

Однако в аналитической части исследования И. А. Шаронова разные лексемы в ряде контекстов все же получают идентичное истолкование, не проясняющее разницу в их использовании. (Так, «возглас воодушевления при

² Подробнее об их теоретическом и практическом разграничении см. Златев 2004, Шаронов 2008, Герасименко 2008.

умозаключении», «возглас злорадства при слабости позиции оппонента, соперника» являются общими для междометий *aga* и *a*, 2008: 226–227; «возглас разочарования при оценке полученной информации» несет дополнение «как не оправдавшей ожиданий» в случае *a*, однако неясно, исключен ли этот дополнительный контекст для *aga*). В других исследованиях, рассматривающих интересующие нас лексемы в рамках когнитивных междометий (Wierzbicka 1991, Добрушина 1995), междометий догадки (Иомдин 2004) или частиц-реакций (Rathmayr 1985: 185–216), различия в использовании тех или иных лексем одного класса также рассматриваются не всегда: исследование Б. Л. Иомдина (2004: 241–244) анализирует речевые ситуации, общие для всего класса междометий догадки; в работе Р. Ратмайр (1985: 198–199) употребление частиц-реакций описывается при помощи лаконичных метаязыковых описаний, повторяющихся для разных лексем (напр., *gut*, *richtig*, *klar* описывает значение как частицы *угу*, так и частицы *да*); Н. Р. Добрушина, разграничивая контексты частиц *a* (*ax*) и *aga/угу* как реакции на запрошенную и незапрошенную информацию (1998: 138–139), отмечает, что *угу* и *aga*, очевидно, не тождественны, однако автор не различает их из-за невозможности выявить различия на материале исследования. Таким образом, во многих исследованиях русских частиц обратной связи общие контексты часто рассматриваются с точки зрения общности значения частиц, а не потенциальных различий. Обратным примером являются детальные исследования Е. А. Гришиной (2009, 2010) на базе мультимедийного корпуса НКРЯ, рассматривающие типы вокальных жестов *a* и *o*, их интонационных рисунков и сопровождающей их телесной жестикуляции. Спектр использования диалогических частиц в сценарной речи, однако, обычно отличается от их использования в спонтанной речи: в сценарной речи частицы используются для расставления акцентов, а не для управления спонтанно текущим диалогом.

Нам представляется, что с точки зрения осознанного использования средств обратной связи в русском диалоге (например, в изучении русского языка как иностранного или в компьютерном моделировании диалога) наибольший интерес представляют именно систематические различия в использовании частиц, которые обуславливают выбор конкретной частицы в спонтанном речевом взаимодействии в конкретный момент времени. Влияет ли выбор разных частиц из класса функционально схожих лексем на дальнейшее течение диалога?

Рассмотрим спонтанные диалогические контексты лексем *a*, *aga* и *gm*, относящихся к классу реакций на поступающую информацию (Шаронов 2008: 251) и характеризующихся общностью стимулов.

Метод и корпус

Сопоставительное исследование контекстов частиц проведено при помощи инструментария и понятийного аппарата конверсационного анализа (Исупова 2002, Liddicoat 2007). Это качественный метод исследования спонтанных речевых ситуаций; он основывается на предпосылках линейной

упорядоченности диалогической речи, ее структурной организованности, контекстуальной ориентированности коммуникативных единиц и экспертности участников диалога. Интерпретации высказываний строятся на основе последующих реплик (*next turn proof procedure*, Hutchby, Wooffitt 2008: 13–15): временная соотнесенность реплик и маркеры (не)предпочтительных реакций сигнализируют, насколько коммуникативный вклад одного собеседника соответствует ожиданиям другого, и тем самым напрямую свидетельствуют о смысле, вложенном в предшествующее высказывание самими собеседниками. При этом учитывается секвенциальная и тематическая структура диалога, а также закономерности смены говорящего: паузальность, указывающая на передачу права говорить, и наложение или слияние реплик, указывающее на перехват очередности (Liddicoat 2007: 79–86). Таким образом, разговорный анализ учитывает не только левый, стимульный, но и правый, интерпретационный, контекст высказывания. Именно в нем отражается истолкование лексемы самим говорящим или его собеседником, а также, возможно, последующая оценка этой интерпретации (эксплицируемая в случаях расхождения). Отклонения от обычной коммуникативной модели (*deviant cases*) обогащают анализ знанием, насколько (иначе) в них проявляются ожидания и интерпретации собеседников. Для обобщения результатов разговорный анализ, как правило, пользуется так называемой интуитивной статистикой, оперирующей понятиями «частый», «редкий», «единичный» (Schegloff 1993: 99) в силу внимательности к контекстуальности коммуникативных явлений, слабо выразимой в абсолютных числах или процентах.

Исследование проведено на корпусе телефонных разговоров в регистратуре поликлиники (Герасименко 2008). Корпус состоит из 81 диалога и составляет ок. 45 минут звучания (\approx 9000 словоупотреблений). Записи сделаны в 2001–2003 в русскоязычном регионе Эстонии, характеризующемся изолированностью от эстонского языка и тесной языковой и медиа-потребительской близостью с Россией. Тематическая общность диалогов облегчает сопоставление контекстов, а наличие аудиозаписи — проверку и уточнение транскрипции³. Кроме того, телефонное общение исключает жестовую и мимическую обратную связь, которая может усложнять картину анализа.

Корпус содержит входящие и исходящие регистратурные звонки. Говорящие анонимизированы в транскрипции при помощи ритмически равнозначной замены всех идентифицирующих данных. Диалоги транскрибированы в традиции разговорного анализа (Jefferson 2004, см. приложение), уделяющей особое внимание точной временной соотнесенности всех вокализаций, интонационному и ритмическому рисунку реплик и длительности коммуникативных пауз.

³ К сожалению, подкорпус спонтанной устной речи НКРЯ, значительно более широкий как территориально, так и тематически, доступен лишь в письменной и довольно упрощенной транскрипции, не дающей представления о точном месте произнесения частиц по отношению к реплике-стимулу, как и о других временных и интонационных подробностях.

В силу ориентированности на восприятие слушающего, а не на абсолютные измерительные величины, Джефферсон различает четыре типа интонационного контура: 1) плоский, немаркируемый, 2) контур незаконченности (незначительное нисхождение или восхождение тона, в транскрипции «.»), 3) контур завершенности (значительное нисхождение тона, «.»), 4) контур вопросительности (значительное восхождение тона, «?»).

Частицы *a*, *aga* и *gm* в спонтанном телефонном диалоге

Регистратурным диалогам присуща четкая структура, обычно хорошо известная собеседникам. Реплики, как правило, коротки, говорящие сменяются плавно (ожидания собеседников друг от друга ясны и редко конфликтуют). Диалог организован как последовательность вопросо-ответных (т.ж. директивно-ответных) секвенций с разнообразными наращиваниями. Частицы обратной связи обычно встречаются в третьей позиции секвенций, где инициатор секвенции сообщает, что (полный или частичный) ответ принят и понят; вместе с тем он может перехватить инициативу (например, задать новый или уточняющий вопрос, инициировать завершение диалога) или же оставить/передать очередность говорить собеседнику. Все три частицы в корпусе регулярно встречаются и после незапрошенной информации, хотя контексты с запрошенной информацией значительно больше часты в справочных диалогах.

Частица *aga* употребляется в позиции вопрос-ответ-частица чаще остальных и в более типичных, соответствующих привычной рутине контекстах, причем как в качестве самостоятельной реплики, возвращающей очередность говорить собеседнику (1), так и в составе более длинной реплики (2).

- (1) З — клиент, молодая женщина, О — регистратор, пожилая женщина
1. О: семият три, (.) какие жалобы скажите.
 2. (.)
 3. З: затруднённое очень дыхание, [не] хватает воздуха ему.
 4. О: [aga,]
 5. О: затруднённое [ное] (.) дыхание, (.) а в- скорую не вызывали?
 6. З: [((сглатывает))]
 7. З: нет, не вызывали. (.) вот хотели врача вызвать.
 8. О: ну вы (.) смотрите по состоянию если мало ли ухудшение будет [то ско]рую вызовите ладно?
 9. З: [угу.]

В примере представлен отрывок фазы сбора данных для регистрации вызова. О записывает возраст пациента (начало строки 1) и спрашивает о причине вызова (это необходимо как для ориентировки врачу, так и для отсеивания недостаточно важных показаний, см. (9)). Первая фраза ответа интонационно оформлена как незаконченная; сразу же после нее (в наложении на продолжение реплики) О произносит *aga*, маркируя полученную информацию как

релевантную. Слегка нисходящая, проецирующая продолжение интонация *aga* эксплицирует согласие О с намерением З продолжать. Сразу после завершения ответа (маркированного окончательным понижением интонации) О повторяет его первую часть (с. 5), отделяя слова паузами (очевидно, именно эту, маркированную частицей *aga* часть ответа, она записывает), а затем переходит к выяснению серьезности положения.

Частица *a*, также встречающаяся в позиции вопрос-ответ-частица как одиночная реплика, в отличие от нейтрального *aga* почти всегда вопросительно интонирована (единственное в корпусе исключение — пример 5) и вызывает исправление предыдущей реплики, т. е. ее повтор или уточнение.

- (2) З — клиент, женщина средних лет, О — регистратор, молодая женщина
1. З: наш доктор э (.) семейный Васнецов,
 2. О: угу
 3. (.)
 4. З: вот, и нам бы надо на дом вызвать.
 5. О: а што случилось [такое?]
 6. З: [у меня] тут сын пришёл со школы.
 7. (0.5)
 8. О: *a*?
 9. (.)
 10. З: сын со школы пришёл больн[ой, те]мпе[ратура.]
 11. О: [аха.] [температу]ра да? (.) сколько температура у него?=
12. З: =тридцать девять.
 13. О: .x адрес какой?

Отрывок начинается с вводной секвенции к просьбе зарегистрировать домашний визит. О реагирует на вводное высказывание нейтрально-плоско интонированной частицей *угу* (с. 2), что З воспринимает как возвращение очередности говорить и переходит к просьбе, отмечая завершение вводной секвенции частицей *вот*. На строке О задает вопрос о причине вызова (с. 5), окончание которого пересекается с началом ответа на с. 6. Ответ интонационно завершен, однако для О недостаточен, т. к. О ждет полсекунды («пауза замешательства»), а затем возвращает очередность говорить З при помощи краткой вопросительно интонированной частицы *a*. З воспринимает реплику *a*? как побуждение повторить и уточнить ответ, т. к. повторяет свое изначальное высказывание, восполняя потенциальную недослышанность из-за перекрывания реплик на с. 5–6, и добавляет значимое дополнение. После произнесения опознаваемой части слова *больной* О отмечает достаточность и релевантность исправления при помощи частицы *aga* со нисходящей, завершенной интонацией. Одновременно с *aga* З дополняет свое высказывание словом *температура*. Через краткий промежуток в микропаузу (один слог) после частицы *aga* О переспрашивает недосказанное слово и, услышав окончание слова, задает следующий вопрос, на который получает быстрый и краткий ответ.

Можно отметить, что *aga* произносится в точке, в которой предшествующая информация отмечается как достаточная (см. тж. Герасименко 2008) — чего нельзя сказать об *a* и *gm*. Прототипное использование частицы *a* — маркер неожиданности. Однако контексты употребления *a* в вопросо-ответных секвенциях — реакция не на всякую неожиданную информацию, но прежде всего на информацию, которая для полного понимания нуждается в исправлении или уточнении. Частица *a* в начале сложных реплик обычно соседствует с вопросом на понимание или прояснение предыдущей реплики, как в (3).

- (3) З — регистратор, женщина средних лет, О — больничный электрик, мужчина средних лет
1. З: извините пожалуйста это с поликлиники беспокоят.
 2. (.)
 3. О: да, я слуша[ю.]
 4. З: [x] у нас здесь в-в (.) пришли в-в (.) проводят кажется для компьютера какие-то в провода, (.) и вот им нужен электрик.
 5. (0.4)
 6. О: а, на поликлинику элект[рик?]
 7. З: [да,] на поликлинику.
 8. (.)
 9. О: так вы: не сюда звоните, вас обслуживает Василь, в инфекционном отделении.

Регистратор поликлиники звонит в больницу с просьбой прислать техника. После вводной идентификационной секвенции (с. 1–3) З озвучивает причину звонка. О реагирует на нее после небольшой паузы замешательства частицей *a*, за которой следует вопрос на прояснение (интерпретационная гипотеза, соединяющая информацию из двух реплик З). В следующей реплике З (с. 7) гипотеза О получает подтверждение, затем О сообщает З, что она ошиблась адресатом.

Частицы *a* и *aga* встречаются также перед сигналом о завершении диалога, однако использование *aga* в них более частотно и предшествует более рутинно-лаконичной завершительной конструкции (4), чем использование *a* (5).

- (4) З — клиент, женщина средних лет, О — регистратор, женщина средних лет
1. З: скажите пожалуйста как Мартыненко сёдня принимает?
 2. О: > сегодня минуточку, < (.) .x с пятнадцати до девятнадцати.
 3. З: а:га, спасибо.
 4. О: пожалуйста.

В ответ на вопрос о времени приема З получает обычный рутинный ответ и принимает его к сведению при помощи слегка растянутого *aga* и формулы благодарности; реплика О *пожалуйста* закрывает рутинную завершающую секвенцию и завершает диалог.

- (5) З — медик, женщина средних лет, О — регистратор, женщина средних лет
1. З: он после обеда буит?
 2. О: .xx ну наверно, он сечас в дневном стационаре.
 3. (.)
 4. З: **a**, (.) ну всё [{-}, понятно, спасибо.]
 5. О: [угу, пожалуйста.]

До начала отрывка З узнала, что главврач уехал; в первой реплике она задает вопрос о времени его возвращения и получает неточный, хотя и максимально подробный ответ. После микропаузы З произносит частицу *a* со слегка нисходящей интонацией и после еще одной микропаузы сообщает О о своей готовности завершить разговор в форме отказа от дальнейших расспросов. О принимает и подтверждает этот сигнал о завершении при помощи частицы *угу*; разговор завершается формулами *спасибо* и *пожалуйста* в наложении друг на друга.

Единственный случай, в котором одиночное *a* имеет нисходящую интонацию и не сопровождается дальнейшим коммуникативным вкладом говорящего, представляет собой отклонение от обычной коммуникативной модели, т. е. вызывает конфликт ожиданий говорящих, проявляющийся в дальнейшем ходе разговора:

- (6) З — клиент, молодая женщина, О — регистратор, женщина средних лет
1. З: =а как Мартыненко принимает?
 2. (.)
 3. О: та:к, доктор Мартыненко, .xx она сегодня будет с трёх до семи.
 4. (.)
 5. З: **a**;
 6. (1.0)
 7. О: мм пожалуйста.
 8. З: а (.) мне врача бы вызвать, у меня у ребёнка температура.
 9. (0.4)
 10. О: ну так вы ТАК СРАЗУ И ГОВОРИТЕ што вам нужен?
 11. (0.9)
 12. З: {-} у неё трицать восемь и девять. (0.3) три годика ребенку. ((жалобным тоном))

Клиент задает вопрос о времени приема врача, выслушивает ответ и после микропаузы произносит немного растянутую частицу *a* со слегка нисходящей интонацией. За ней следует долгая пауза длиной в секунду, свидетельствующая о сбое в смене говорящих: очевидно, О истолковывает предыдущую частицу *a* как готовность З взять коммуникационную инициативу на себя; это подтверждает и маркер хезитации *мм* перед попыткой О инициировать завершение разговора (с. 7). З не поддерживает завершение, высказывая робкое пожелание вызвать врача и приводя причину вызова. После паузы замешательства (с. 9) О эксплицирует нарушение коммуникативной

модели со стороны З, повышенным тоном указывая, что З следовало бы высказать свое пожелание *сразу*, на более раннем этапе. Это высказывание О (с. 10) остается грамматически и интонационно незавершенным, что в свою очередь вызывает длительную паузу в смене говорящих. З прерывает паузу на последней строке, начиная перечислять показания к вызову врача, тоном подчеркивая их серьезность (и, возможно, извиняя свою коммуникативную неуспешность).

Частица *гм* встречается в корпусе исключительно в нетипичных, выпадающих из общей рутины контекстах: там, где предшествующая реплика или последовательность реплик оценивается собеседником как не отвечающая его (нормативным) ожиданиям: *гм* предвещает негативную оценку незнания клиентом важной информации (7) или указание клиенту на недостаточность симптомов для визита врача. Интересно, что частица *гм*, как и сами негативные оценочные реплики, используется лишь регистраторами; клиенты, также могущие быть недовольными отказом прислать врача или недостаточностью полученной информации, оценок в разговоре не высказывают и обычно выражают свое недовольство раздраженным тоном уточняющих вопросов.

(7) З — клиент, женщина средних лет, О — регистратор, женщина средних лет.

1. О: так, телефон домашний у них есть?
2. (0.5)
3. З: не (.) дали мне ничего.
4. (.)
5. О: гм, очень плохо. (.) .xx ну всё тогда, ждите.

В отрывке приведено завершение диалога, в котором врача ребенку вызывает знакомая его матери, не будучи в курсе симптомов и того, как попасть в подъезд (не входит в отрывок). На с. 1 О задает очередной вопрос, ответа на который З не знает (и формулирует ответ, подчеркивая ответственность тех, кто не снабдил ее информацией), на что О после микропаузы реагирует слегка нисходящей частицей *гм* и оценкой *очень плохо*. Затем О завершает регистрацию, подтверждая действительность вызова (*ждите*).

Выводы

Анализ демонстрирует, что для определения коммуникативных различий частиц важно учитывать временную соотношенность их со стимулом — для *ага* характерны быстрота реакции и отсутствие заминки, в то время как *а* и *гм* обычно отделены от стимула «паузой замешательства».

Кроме того, важен не только предшествующий, стимульный, но и последующий, интерпретационный контекст. Функциональные различия частиц

проявляются не только в интерпретации собеседников, но и в продолжении реплик самими говорящими: *гм* в начале реплики предвещает оценку стимульной реплики, *a* и *aga* предшествуют уточняющим вопросам. Вопросы, следующие за *a*, направлены на ликвидацию неясностей в реплике-стимуле, а вопросы после *aga* направлены на дальнейшее детализирование или развитие темы (разговора). Частицы *a* и *aga* могут также предшествовать сигналу говорящего о завершении разговора. В случае *aga* это завершение более лаконично и рутинно (*aga, спасибо*); лексема *a* сочетается с отказом от дальнейших распросов (*a, ну все тогда; a, ну ладно*), который косвенно указывает на сохраняющуюся (частичную) непроясненность.

В позиции одиночной реплики, возвращающей очередность говорить собеседнику, *aga* в корпусе нейтрально интонировано и побуждает собеседника продолжать, в то время как *a* маркировано вопросительной интонацией и побуждает собеседника повторить или дополнить уже сказанное.

Мы надеемся, что результаты анализа дополняют существующие описания частиц с точки зрения их осознанного использования в русском диалоге. Исследования различий использования частиц в других спонтанных контекстах (в бытовой речи, в спонтанном построении нарративов, в институциональном общении другого рода) позволят еще лучше и точнее выявить их инвариантные коммуникативные характеристики.

Приложение. Знаки транскрипции

звонящий	З:
отвечающий	О:
спад интонации	текст.
полуспад интонации	текст,
подъем интонации	текст?
микروпауза (до 0.2 сек.)	(.)
длина паузы в десятых долях секунды	(0.8)
наложение реплики на реплику	[текст]
слияние независимых единиц	=
растянутый звук	а:
вдох	.xx
убыстрение темпа	> текст <
сомнительный отрезок	{текст}
неразборчивый отрезок	{--}
повышение громкости	ТЕКСТ
комментарии	((текст))

Литература

1. *Большой толковый словарь русского языка*. Глав. ред. Кузнецов С. А., Санкт-Петербург: Норринт, 2006.
2. *Герасименко О. А.* 2008. Два значения, две языковых единицы? Ага в спонтанном диалоге — Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог 2008, Москва, 103–108.
3. *Гришина Е. А.* 2009. К вопросу о соотношении слова и жеста (вокальный жест О в устной речи) — Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог 2009, Москва, 80–90.
4. *Гришина Е. А.* 2010. Вокальный жест А в устной речи — Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог 2010. Москва: Наука, 102–112.
5. *Добрушина Н. П.* 1998. Семантика междометий в реактивных репликах -Вестник Московского университета 2: 136–145.
6. *Златев И.* 2004. Вопрос о разграничении междометий и частиц в болгарском и в русском языкознании — Ежегодные лингвистические чтения. 15 ноября 2003 года. В. Тырново, 2004, <http://www.russian.slavica.org/printout1195.html> (дата обращения: 05.02.2012).
7. *Иомдин Б. Л.* 2004. Междометия догадки в русском языке — Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог 2004. Москва, <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Iomdin%20B.htm> (дата обращения: 09.02.2012).
8. *Исупова О.* 2002. Конверсационный анализ: представление метода — Социология 4М, № 15, <http://www.isras.ru/files/File/4M/15/Isupova.pdf> (дата обращения: 05.02.2012).
9. *Русская грамматика 1980: Русская грамматика. Т.1- II*, Москва, 1980–1982.
10. *Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. под ред. В. И. Чернышёва* — Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
11. *Шаронов И. А.* 2008. Междометия в речи, тексте и словаре. Москва: РГГУ.

References

1. *Allwood, J., Nivre, J. Ahlsén, E.* (1992). On the Semantics and Pragmatics of Linguistic Feedback, *Journal of Semantics*, vol. 9, pp. 1–26.
2. *Boľshoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Unabridged Explanatory Dictionary of Russian]. Saint-Petersburg: Norrint 2006.
3. *Dobrushina N. P.* (1998). The Semantics of Interjections in Reactive Turns [Semantika mezhdometij v reaktivnyh replikah], *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Newsletter], no. 2, pp. 136–145.

4. Gardner, R. (2001). When Listeners Talk: Response Tokens and Recipient Stance With Special Reference to Mm. *Pragmatics and Beyond Series*. Amsterdam: Benjamins.
5. Gerassimenko O. A. Two meanings, two linguistic items? Russian “Aha” in spontaneous dialogue [Dva znachenija, dve jazykovyh edinitsy? Aha v spontannom dialoge] — *Komp’iuternaia Lingvistika i Intellektual’nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoj Konferentsii “Dialog 2008”* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2008”], Bekasovo, 2008, pp. 103–108.
6. Grishina E. A. On Gesture-Word Correlation (Vocal Gesture Oh in Spoken Russian) [K voprosu o sootnoshenii slova i zhesta (vokal’nyj zhest O v russkoi rechi)], *Komp’iuternaia Lingvistika i Intellektual’nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoj Konferentsii “Dialog 2009”* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2009”], Bekasovo, 2009, pp. 80–90.
7. Grishina E. A. Vocal Gesture Ah in Spoken Russian [Vokal’nyi zhest A v russkoi rechi], *Komp’iuternaia Lingvistika i Intellektual’nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoj Konferentsii “Dialog 2010”* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2010”], Bekasovo, 2010, pp. 102–112.
8. Hutchby I., Wooffitt R. (1998). *Conversation Analysis. Principles, Practices and Applications*. Cambridge: Polity Press.
9. Iomdin B. L. Guess Interjections in Russian [Mezhdometija dogadki v russkom jazyke]. — *Komp’iuternaia Lingvistika i Intellektual’nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoj Konferentsii “Dialog 2004”* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2004”]. Bekasovo, 2004. Available at: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Iomdin%20B.htm>
10. Isupova O. (2002). *Conversation Analysis: Method Description* [Konversacionnyi analiz: predstavlenie metoda], *Sociologia* [Sociology], no. 15, available at: <http://www.isras.ru/files/File/4M/15/Isupova.pdf>.
11. Jefferson G. (2004). *Glossary of transcript symbols with an introduction, Conversation Analysis. Studies from the first generation*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, pp. 13–59.
12. Liddicoat A. J. 2007. *An introduction to conversation analysis*. London & New York: Continuum.
13. Rathmayr, R. (1985). *Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme*. Slavistische Beiträge 187. München: Otto Sagner.
14. *Russkaja Grammatika [Russian Grammar], Vol. I — II, Moscow, 1980, 1982.*
15. Schegloff E. A. (1993). Reflections on Quantification in the Study of Conversation, *Research on Language and Social Interaction*, Vol. 26:1, pp. 99–128.
16. Sharonov I. A. (2008). *Mezhdometija v rechi, tekste i slovare* [Interjections in Speech, Text and Dictionary]. Moscow: RGGU.

17. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Dictionary of Contemporary Standard Russian], Moscow, Saint-Petersburg: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948–1965.
18. *Sorjonen, M.-L.* (2001). Responding in Conversation. A study of response particles in Finnish. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
19. *Stubbe, M.* (1998). Are you listening? *Journal of Pragmatics*, Vol. 29, 257–289.
20. *Wierzbicka, A.* (1991). Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin: Mouton de Gruyter.
21. *Yngve, V. H.* (1970). On getting a word in edgewise, Papers from the Sixth Regional Meeting [of the] Chicago Linguistic Society, pp. 567–577.
22. *Zlatev I.* Question of Distinction between Interjections and Particles in Bulgarian and Russian Linguistics [Vopros o razgranichenii mezhdometij i chastic v bolgarskom i ruskom jazykoznanii], *Ezhegodnye lingvisticheskie chtenija 15 nojabrja 2003* [Annual Linguistic Lectures on 15 November 2003], V. Tyrnovo, 2004. Available at: <http://www.russian.slavica.org/printout1195.html>.